

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 71-81
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.71

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Russian and French Empires. Strategic Perspectives by 1812 (on the Subject of the Cause of the Disaster of the Great Army)

Gregory G. Popov ^{a, *}, Dilara G. Safaralieva ^b, Pavel A. Byshkov ^c, Bella A. Bulgarova ^{d, e}

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА), Moscow, Russian Federation

^b Moscow House of Nationalities, Moscow, Russian Federation

^c Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^d Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^e Alnoor University College, Mosul, Iraq

Abstract

The article analyzes the strategic perspectives of Napoleon Bonaparte's Grand Army in the Campaign of 1812. There is also the Russian strategic perspective in 1812 in comparison with the French one. Objective factors influencing the situation of the armed forces of France and Russia are mainly considered. Authors focus on the distribution of human resources, as well as the losses suffered by Russia and France during the Napoleonic Wars until 1812. The authors prove that Napoleonic France suffered heavy losses during military campaigns in the period from 1800 to 1811, the French army had a particularly difficult situation on Iberian Peninsula, campaigns against Spain and Portugal were in many ways a continuation of the long-running so-called "Anglo-French duel". The authors show in their work that the demographic situation in Russia was more favorable by 1812, which had a positive effect on its defense capability, which cannot be said about Napoleonic France, whose human reserves were not enough in 1812 for a war "on two fronts". Russian Russian-Turkish (1806–1812) and Russian-Persian Wars (1804–51813) negatively affected Russia's ability to fight against Napoleonic France out of pulling large military contingents to southern borders. Authors also show that the structure of the Grand Army was not well thought out to carry out such operation as an offensive deep into European Russia. The authors rely mainly on English-language sources.

Keywords: The Napoleonic Wars, the Patriotic War of 1812, the War Ministry of the Russian Empire, recruitment, military economy.

1. Введение

Отечественная война 1812 года представляет большой интерес с той точки зрения, что передовое на то время государство (Франция) было разгромлено полуфеодальной Россией. Историческая наука до сих пор не дала ответа на вопрос о причинах катастрофы Великой армии, сводя все к высокому моральному духу русских, а также к климатогеографическому фактору. Однако в ряде других войн эти два фактора работали недостаточно хорошо.

Основной причиной поражения (наша гипотеза) Наполеона Бонапарта в России стала глобальная стратегия построенной им империи. Эта стратегия сформировалась еще до якобинской диктатуры. Ее суть сводилась к борьбе с Англией как главным соперником за гегемонию в мире. Наполеон I внес определенную коррективу: он организовал континентальную блокаду. Но и со стороны англичан тоже

* Corresponding author

E-mail addresses: GGPopov2009@mail.ru (G.G. Popov)

имели место меры по экономической изоляции Франции, которая до Великой буржуазной революции и после нее сильно зависела от импорта. Усилия наполеоновской Франции, направленные на борьбу с Англией на море, имели негативные последствия для французской военной экономики.

Во время Бородинской битвы французская кавалерия практически равнялась по численности русской, незначительно превосходя последнюю по качеству (Гарнич, 1956: 103). Вдумаемся в этот факт. Это произошло в рамках двух земледельческих обществ, но только французское было экономически более развито. Это означает, что французская мобилизация национального хозяйства давала серьезные сбои перед Кампанией 1812 г.

Другой, также достаточно интересный факт, не нашедший должного осмысления в историографии Отечественной войны 1812 года – это относительно небольшая численность трех западных русских армий летом. Россия еще до Петра Великого развивалась в режиме военного лагеря.

Целью настоящей работы – показать влияние на судьбу Великой армии объективных факторов стратегического порядка, включая, в первую очередь, людские потери в кампаниях до 1812 г., а также особенности подготовки России к большой войне с Францией. Из цели вытекают следующие задачи: 1) рассмотреть потери армии Наполеона в кампаниях до 1812 г.; 2) рассмотреть Пиренейский театр военных действий через призму проблемы оттягивания ресурсов Франции от России; 3) дать обзор потерь Франции на море и связанных с этим экономических потерь от морской блокады со стороны англичан; 4) показать особенности комплектования Русской армии перед Отечественной войной 1812 г.

2. Материалы и методы

Для решения поставленных в работе задач мы привлекаем материалы разных типов и происхождения. Среди источников особое значение для нас имеют сборники документов, опубликованные до 1917 г. Один из них посвящен истории Военного министерства. Он был издан в начале XX в. (Столетие Военного министерства, 1902). В данном издании хорошо показаны процессы развития Русской армии перед Отечественной войной 1812 г., включая важные для нас вопросы рекрутских наборов. Другим заслуживающим внимания источником для изучения предмета нашего исследования является сборник документов по истории Кавказской войны, составленный в конце XIX в. А.Л. Гизетти (Гизетти, 1896). В данной работе достаточно полно отражен вопрос состава российских войск на Кавказе к моменту нападения наполеоновской Франции на Россию.

Для проводимого в работе анализа мы также привлекаем редкий и малоизвестный сборник документов В.А. Петрова (Петров, 1911), посвященный вопросу артиллерийских трофеев, взятых Русской армией у французов и их союзников в 1812 г. Из этих материалов следует, что Великая армия располагала артиллерийским парком не столь высокого качества, и этот парк собирался наспех по всей Европе.

Мы также обращаемся к некоторым работам историков, изданных в советский период. Среди них выделим особо остающуюся актуальной до сих пор монографию Л.Г. Бескровного «Русская армия и флот в XIX в.» (Бескровный, 1973). В ней отражено много экономических и организационных аспектов развития вооруженных сил Российской империи в начале XIX в. То же самое можно сказать о монографии Н.Ф. Гарнича об Отечественной войне 1812 года (Гарнич, 1956). В этой книге собрано достаточно много статистических фактов. В этом смысле она остается актуальной до сих пор.

Постсоветская российская историография также богата на работы, но во многом она сконцентрирована на событиях в России, если речь идет об Отечественной войне 1812 г. и о заграничных походах 1813–1814 гг. Во многом это наследие еще советского периода, когда кампании наполеоновских войн этих лет изучались в рамках русскоцентричного методологического подхода. В этой связи влияние внешних и внутренних факторов, в частности потерь Франции на других театрах военных действий, на исход похода Великой армии в Россию не привлекало внимания российских историков (до них советских) или же находилось на периферии исследования тех событий. Некоторое исключение составляет труд Е.В. Тарле о Наполеоне I (Тарле, 1939), где затрагиваются экономические вопросы, но Е.В. Тарле не был историком экономики, поэтому анализ хозяйственной стороны подготовки Франции к войне с Россией перед 1812 г. подробно не проведен. В этой связи мы обращаемся к группе иностранных опубликованных работ, включая ряд научных статей и монографий. В частности, особо здесь стоит отметить работу Д.Г. Чендлера (Chandler, 1966), которая является и монографией, и в некоторой степени энциклопедией, так как в данном труде приводится много статистики по армии Наполеона Бонапарта и его кампаниям. Несмотря на то что данная монография была издана в 1966 г., она не утратила актуальности, поскольку остается по отраженным в ней статистическим данным непревзойденной. Однако у Д.Г. Чендлера нет столь глубокого анализа военной экономики наполеоновской Франции, а также экономической стороны войны на море в указанный период, как в ряде других современных исследований. Одним из примеров является работа Д. Даудин и Е. Тириделли (Daudin, Tirindelli, 2022). Это аналитический труд в рамках регулярно проводимых в университете Базеля семинаров по экономической истории.

Работа основана на историко-проблемном и системном методах. Мы отслеживаем такую проблему как изменение военного потенциала наполеоновской Франции до 1812 г., с точки зрения способности этого государства воевать с Российской империи на территории последней. В этой связи, разумеется, рассматривается и военный потенциал России, но в меньших масштабах. Нам важно

выявить, какие проблемы предопределили более всего ход событий в формате Отечественной войны 1812 г., но сами боевые действия мы не рассматриваем, так как предметом нашего исследования выступает стратегическая перспектива сторон в этой войне с акцентом на анализ положения Франции. Мы смотрим на указанную выше проблему системно, привлекая сведения из разных сфер жизни французского общества в начале XIX в. В частности, мы уделяем немало места в работе вопросу влияния морской блокады Франции со стороны Великобритании как фактору, спровоцировавшему череду событий и процессов, снизивших военный потенциал Франции.

3. Обсуждение

В целом военно-исторического анализа Отечественной войны 1812 г., с точки зрения выявления в длительном хронологическом порядке факторов, повлиявших на ее исход в пользу Российской империи, не проводилось. Тем более не было объединения военно-исторического анализа с экономико-историческим по этой проблеме. В.Н. Земсков отметил в своей знаковой работе (Земсков, 2018: 30-79), что статистика по Бородинскому сражению остается сферой споров историков, но и он сам не концентрирует внимания на военно-технических и экономических факторах, повлиявших на это одно из величайших в мировой истории сражений.

Н.А. Троицкий (Троицкий, 2007) также не фокусирует внимания на влиянии предыдущих военных событий на состояние армий России и Франции перед Кампанией 1812 г. Мало также у него сведений и по поводу военно-промышленного комплекса двух государств. Более 20 лет назад была издана знаковая работа – энциклопедия под редакцией В.М. Безотосного (Безотосный, 2004), но военно-экономические вопросы там затронуты поверхностно.

Полное описание вооруженных сил Российской империи в XIX в. дает научная монография Л.Г. Бескровного (Бескровный, 1973), аналогов которой, на наш взгляд, в современной историографии нет. Но Л.Г. Бескровный рассматривает проблему войн России с наполеоновской Францией через призму марксизма-ленинизма, который ставит на первое место уровень развития производительных сил, по которым Россия отставала от Запада, но, по мнению Л.Г. Бескровного, состояние военных технологий в то время позволяло Российской империи противостоять Франции. Однако непонятно, как, с точки зрения марксизма-ленинизма, военные технологии и оборонно-промышленный комплекс оказались столь оторванными от производительных сил российского общества.

В западной литературе преобладает в объяснении причин поражения Великой армии в России географический детерминизм. По Д. Чандлеру, слабое развитие российской экономики не позволило оккупационным властям Наполеона I обеспечить Великую армию всем необходимым на должном уровне. На то, что людской потенциал Франции был ослаблен в предыдущих кампаниях, что создало негативную стратегическую перспективу для армии Наполеона Бонапарта в 1812 г., даются расплывчатые намеки в исследовании Д. Чандлера (Chandler, 1966: 750-850). Географо-климатический детерминизм продолжает играть ключевую роль в объяснении поражения Великой армии России в западной историографии, несмотря на то, что со времени публикации книги Д. Чандлера прошло уже почти 60 лет.

4. Результаты

Война на море и ее последствия для Франции

На момент Великой буржуазной революции (1789) Франция имела 5 286 военных и коммерческих судов, из которых 3 270 были водоизмещением более 100 т., составляя общий тоннаж 729 340 т. В 1815 г. от этого одного из мощнейших флотов мира осталось только 80 судов, не считая единиц водоизмещением менее 100 т. С 1793 по 1815 гг. французы потеряли в боях с флотом Великобритании 377 боевых судов уровней линкора и фрегата (последних – 229 единиц). Коммерческий флот также понес огромные потери: из имевшихся в 1801 г. на плаву 1 500 торговцев оставались к 1812 г. только 179 (Salavrakos, 2018: 35). Кроме того, Франция потеряла 1 030 конфискованных у частных лиц судов с общим количеством 9 400 орудий, безвозвратные потери их экипажей составили 69 147 человек (Harvey, 1993: 124). Поражение на море привело Францию к потере 18 154 артиллерийских систем разных калибров (Salavrakos, 2018: 35). Скажем для сравнения, что Великая армия во время похода в Россию была оснащена примерно 1 300 артиллерийскими орудиями.

Одним из результатов поражений на море стала для Франции потеря ее собственных колоний и ряда колоний, которые относились к ее подчиненным союзникам (Испания и Нидерланды). К 1800 г. французские коммерческие суда очень редко выходили в море. Это незначительно сказывалось на потреблении продовольствия самими французами, так как в начале XIX в. у них еще хватало собственных аграрных ресурсов, которые, правда, до Русской кампании Наполеона I не всегда в полной мере использовались из-за оппортунистического поведения значительной части фермерства. Но главный удар от морской блокады и потери колоний пришелся по ряду важных статей потребления национальной экономикой. Это касается и металла, о чем ниже.

До 1797 г. более 90 % всей внешней торговли Франция осуществляла по морю, в 1800 г. этот показатель составил 77 %, упав к 1809 г. до рекордно низкой отметки – 67 % (Daudin, Tirindelli, 2022:

23). К 1811 г. Наполеон I потерял до 90 % Французской колониальной империи (Daudin, Tirindelli, 2022: 28).

По некоторым оценкам импорт Франции сократился из-за блокады на 51,6 % за период 1807–1814 гг. по отношению к возможному тренду мирного времени (ситуация, если бы блокады не было), но при этом французский экспорт возрос на 4,3 % (O'Rourke, 2006: 129). Последний показатель говорит в пользу того, что контрибуции с побежденных не давали должного эффекта для обеспечения военной экономики, поэтому приходилось наращивать объемы экспорта, чтобы приобретать преимущественно на европейских рынках сильно подорожавшие товары (для того, чтобы что-то продать, надо что-то купить). Это также указывает на то, что издержки в ориентированных на экспорт сегментах французской экономики увеличивались на фоне дефицита ресурсов в условиях войны. Кроме того, импорт «поглощает» часть инфляции, так как обычно на внешних рынках приобретаются товары, которые дома стоят дороже. Франция испытывала сильную инфляцию во время наполеоновских войн (правда, вызвана она была не только сложностями во внешней торговле).

Рост экспорта в 4,3 %, подсчитанный O'Rурком (O'Rourke, 2006: 129), все-таки был достигнут за период 1807–1814 гг. и, скорее всего, отражал больше ситуацию во французской внешней торговле в 1808–1809 гг. Есть многочисленные свидетельства занимавшихся обследованием промышленности французских чиновников. Данные свидетельства доказывают, что во французской индустрии из-за морской блокады имел место тяжелый кризис во время наполеоновских войн (Thoral, 2011: 170-173).

К концу 1806 г. торговля Франции со странами балтийского региона, потреблявшими до 20 % ее экспорта вин (Россия выступала здесь одним из главных импортеров), прекратилась (Scheltjens, 2015: 155). Она возобновилась после подписания русско-французского мирного договора в Тильзите, но незначительно (Scheltjens, 2015: 157).

Другой важной статьёй балтийской торговли для Франции был шведский металл. Перед революцией Франция импортировала 10 тыс. т (Purchasse, 2006: 100) черных металлов из Швеции, имея в 1794 г. собственное производство 60 тыс. т (Weider, Gueguen, 2004: 81). Интерес к шведскому металлу был вызван в Париже качеством, которого не могли добиться французские металлурги.

Выплавку черных металлов удалось довести во Франции в 1814 г. до 112 тыс. т (Weider, Gueguen, 2004: 81) против 60 тыс. т в 1794 г. на фоне того, что шведский импорт сократился более чем вдвое (по стоимости) к 1793 г. (Purchasse, 2006: 101). Разумеется, такой результат был достигнут постепенно на фоне значительного роста спроса на металл у Франции и ее союзников. Важным сырьем для промышленности Франции была латунь, которая импортировалась в основном из Швеции (Purchasse, 2006: 105), ее завоз оттуда во Францию также резко сократился.

Как мы сказали выше, на потреблении продуктов питания средним французским домохозяйством морская блокада оказывала минимальное влияние. Морская торговля, если бы не было блокады, и победил бы французский флот, могла стать фактором роста потребления калорий. Однако в Англии этого не произошло в период наполеоновских войн, несмотря на лучший доступ Великобритании к рынкам колоний. Но по потреблению на душу населения Франция отставала от Англии хронически, и это было вызвано тенденциями в аграрных экономиках двух стран еще второй половины XVIII в. (Steckel, Floud, 1997: 167).

В случае отсутствия блокады Франция могла немного увеличить потребление продовольствия, и это позволило бы привлечь больше рабочих рук в промышленность, что было необходимо для увеличения выпуска военной продукции, а также сырья и полуфабрикатов для нее. Занятость в промышленности России и Англии была почти равна французской (Таблица 1).

Таблица 1. Общая численность промышленных рабочих (для Великобритании и Франции приблизительная оценка) (Арсентьев, 2011: 27; Steckel, Floud, 1997: 166)

Россия, 1812 г.	Франция, усредненный приблизительный показатель (1810–1813 гг.)	Великобритания, 1801 г., усредненный приблизительный показатель
119 093	2 320 000	2 282 000

В 1810 г. во Франции стал развиваться кризис, вызванный сложностями сбыта продукции промышленных предприятий, в связи с чем усилилась безработица (Тарле, 1939: 229-237). Только на спасение от разорения руанских мануфактур Наполеон I был вынужден в 1811 г. выделить из бюджета 15 миллионов франков (Тарле, 1939: 230).

Итак, подводя итоги по разделу следует сказать следующее: безвозвратные потери личного состава французского флота были эквивалентны трем полевым корпусам армии, но эти потери составляют около 6,8 % от минимальной оценки (примерно 900 тыс. человек) от всех летальных потерь вооруженных сил Франции в период наполеоновских войн. Максимальная оценка этих потерь – приблизительно 1 миллион солдат и офицеров (Drevillon, 2013: 178-186).

Мы не имеем сведений о том, что Великая армия в России испытывала нехватку артиллерии, но и парк последней (1 200–1 300 орудий) был меньше числа артиллерийских систем трех западных и

Дунайской армий России к лету 1812 г. – 1 600 единиц (Тарле, 1939: 83). Это привело к тому, что Наполеон I не смог добиться решающего превосходства в огневой мощи в Бородинском сражении. Но это сражение не явилось исключением. В 1809 г. под Ваграмом Наполеон I имел 395 орудий против 452 австрийских. Под Аустерлицем это соотношение было 139 к 278 (Popov et al, 2024: 1152). Под Лейпцигом (1813 г.) армия Наполеона Бонапарта уступала силам коалиции в артиллерии почти в два раза. Это может указывать на то, что флот забирал у армии в случае с наполеоновской Францией много артиллерийских систем. Судя по росписи трофейных орудий, свезенных в Москву к 1815 г., около 60 % артиллерийских систем Великой армии было представлено образцами не французского производства (Петров, 1911: 15), которые по качеству чаще всего уступали французским.

Одним из прямых следствий побед флота Великобритании стала способность вооруженных сил последней проводить десантные операции и получать снабжение по морю. В частности, это касается операций английских сил на Пиренейском полуострове, о чем ниже. В результате боевых действий между Францией и Великобританией первая потеряла за период 1803–1815 гг. только пленными более 120 тыс. человек (Daly, 2004: 362). Но С. Кальвет дает следующую оценку французских военнопленных, захваченных англичанами: около 150 тыс. человек (Calvet, 2014: 30-31). Но эти подсчеты велись для французов, отправленных в лагеря и тюрьмы непосредственно в пределах Английской метрополии. Французские вооруженные силы несли потери и в колониях, откуда пленных не всегда отправляли в Европу. Известно, что в конце 1802 г. в плавучих тюрьмах на Ямайке содержалось 4 200 французских военных. Вскоре к ним присоединились еще многие сотни моряков, это был итог экспедиции на Санто-Доминго (1801–1803 гг.) (Girard, 2008), то есть против гаитянских революционеров, которых поддерживали вооруженные силы Великобритании. Общие потери французской стороны в этой операции не определены. Погибших было от 50 до 60 тысяч человек (сюда вошло и большинство попавших в плен, так как выживаемость в плавучих тюрьмах была незначительной). Из них на флот пришлось около 8 тыс. погибших или 10 % личного состава всего военно-морского флота Франции в то время (Girard, 2008).

Война на полуострове и австрийский удар

Прямым следствием поражений Франции на море стали десантные операции англичан на Пиренейском полуострове, которые вылились в открытие целого «фронта» против Наполеона I в этой части Европы. Там шла война, которая получила название в историографии Великобритании как Война на полуострове. Особенностью этой войны стало то, что официально Испания оставалась союзницей Франции в лице короля Жозефа (брат Наполеона Бонапарта, пришедший на смену Карлу IV Бурбону) и его правительства. Наполеону I противостояла Севильская Верховная Хунта – политическая группа испанских повстанцев (Пожарская, 2011), союзных Англии.

Многие испанцы к 1808 г. были недовольны Годоем – профранцузским премьером и крупным реформатором, который активно поддерживал военный союз с Наполеоном I против Англии, когда последняя уничтожила почти весь испанский флот, блокировала страну, тем самым спровоцировав в Испании и ее латиноамериканских колониях экономический кризис. Антиклерикальная политика Годоя стала одним из факторов для выступления против его режима. К тому же колонии стали больше склоняться к независимости от Мадрида.

Среди Севильской Верховной Хунты не было единства по поводу вопроса оперативного подчинения войск повстанцев английским генералам. И только в конце 1812 г. Веллингтон (он разобьет почти спустя три года Наполеона Бонапарта под Ватерлоо) станет командующим над объединенными англо-испанскими силами.

Наполеон I осуществил масштабную интервенцию (до этого контингенты вводились уже зимой 1807 г.) в Испанию в ответ на антифранцузское выступление военных и буржуазии в мае 1808 г. Летом того же года французы осадили Сарагосу. Попытки поставить под контроль всю страну оказались для французов неудачными. 16-19 июля 1808 г. в сражении при Байлене их корпус был разбит испанцами. Из почти 24 500 французских военных в плен попали около 17 тыс. и приблизительно 3 тыс. были убиты. Сдался и их командир, генерал П. Дюпонт, который считался одним из самых опытных французских генералов. Одной из причин поражения стало то, что Наполеон Бонапарт счел один корпус достаточным для установления контроля над южной и центральной частями Испании. Ответный на Байлен поход в Испанию осенью 1808 г. возглавил сам Наполеон Бонапарт, который победил. Но поражение испанцев на этот раз было вызвано во многом не только военными талантами французского императора, но и оппортунизмом глав испанских провинций (Gates, 2003: 214). Однако победа Наполеона I при Туделе не привела к полному подчинению страны французам. Англичане стали активно действовать с территории союзной им Португалии (экспедиция генерала Джона Мура). Кроме того, в 1809 г. против Франции выступила Австрийская империя, и Наполеону I пришлось покинуть Испанию со значительной частью своих войск.

Историк О. Коннели назвал летальные потери Франции за пятилетний период испанских кампаний – это 300 тыс. человек (Connolly, 1999: 117). Сам Наполеон I считал испанскую проблему как главную, которая привела его империю к гибели (Connolly, 1999: 117). Даже к началу кампании в

России в Испании оставались 203 тыс. французских военнослужащих, сведенных в пять армий (Fremont-Barnes, Fisher, 2004: 228).

Пятая антифранцузская коалиция и связанное с этим наступление Австрии в Германии и Польше (1809) заставили Наполеона I вернуться из Испании в Восточную Европу со своими основными силами. Со стороны Вены это был «удар в спину», когда за пределами Пиренеев к 1809 г. осталось только около 150 тыс. французских солдат и офицеров, разбросанных по гарнизонам на пространствах империи Наполеона Бонапарта (Chandler, 1966: 622).

Французской армии пришлось перестраивать логистику в связи с неожиданным решением австрийского правительства (Наполеон I возлагал надежды в австрийском вопросе на Александра I, который должен был, по замыслу французского императора, следуя Тильзитскому договору, удержать Вену от подобных шагов). Австрийское правительство не ожидало, что Наполеон I сможет провести быструю мобилизацию. Но произошло то, что будет иметь место спустя немного времени в случае с формированием Великой армии против России: Франция смогла мобилизовать против Австрии в общей сложности 400 тыс. человек, многие из них были рекруты 1810 года призыва (Fremont-Barnes, Fisher, 2004: 106). Как и в случае с Русской кампанией, к походу на Вену были привлечены многочисленные союзные контингенты, среди них было Великое герцогство Варшавское, которое предоставило корпус (Fremont-Barnes, Fisher, 2004: 106). Эрцгерцог противопоставил этой мощи регулярную армию в 300 тыс. штыков и сабель, а также ландвер численностью 150 тыс. человек. Принимая во внимание, что австрийцы сражались на своей территории и долго готовились к реваншу после разгрома под Аустерлицем (декабрь 1805 г.), у французов было небольшое преимущество.

Главным сражением этой кампании стал Ваграм (5-6 июля 1809), когда французы потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести около 40 тыс. человек, австрийцы – приблизительно столько же (Fremont-Barnes, Fisher, 2004: 143). Победа далась Наполеону Бонапарту тяжело. Утром 6 июля австрийцы считали, что они уже выиграли сражение, их командующий эрцгерцог Карл получал поздравления, когда в Вене раздался торжественный колокольный звон. Но французам хватило огневой мощи, чтобы отразить контратаки австрийцев, которые слишком торопились и не подтянули свою артиллерию за наступавшей пехотой.

Потери и изменения людского потенциала Вооруженных сил России и Франции

Тот факт, что Наполеон I призвал в 1809 г. тех, кто должен был пойти в армию по возрасту в 1810 г., указывает на то, что к моменту Австрийской кампании людские ресурсы Франции были почти исчерпаны. У нас нет точных потерь Франции в войне с Австрией в 1809 г. По Б.Ц. Урланису, французы и их союзники потеряли в 1809 г. на всех театрах военных действий 51 950 человек (Урланис, 1960: 76). Надо сказать особо, что оценки потерь Франции в период наполеоновских войн Б.Ц. Урланисом оказались заниженными, они не были известны в полной мере к середине XX в. и французским историкам. Но даже и эта цифра (почти 52 тыс.) выглядит внушительно. Принимая во внимание, что раненых было со стороны Франции и ее союзников 151 500 человек (Урланис, 1960: 76), и многие из них не возвращались в строй или не могли уже служить по состоянию здоровья в первой линии, потери 1809 г. негативно должны были отразиться на качестве кадрового состава Великой армии в 1812 г. Поэтому до половины сил, подготовленных французским императором к вторжению в Россию, составляли союзные контингенты, показавшие невысокие боевые качества в предыдущих кампаниях.

Перед походом в Россию Наполеон I поручил Военному министерству сформировать так называемый «приоритетный бан» (premierban) для обороны непосредственно Франции в период отсутствия почти всей ее армии в пределах национальной территории. В этот «бан» незамедлительно призывались 80 тыс. молодых людей в возрасте от 20 до 26 лет (Chandler, 1966: 755), помимо тех, кто уже направлялся в учебные части или находился в составе боевых соединений. Разумеется, в «приоритетный бан» попали далеко не все французы указанного выше возрастного диапазона, но призваны туда были многие. Еще 165 тыс. человек попали в запасные батальоны, которые находились в тылу Великой армии, эти батальоны комплектовались в основном новобранцами.

Наполеон I тщательно изучил опыт похода шведского короля Карла XII в Россию. Французский император пришел к выводу, что ему надо иметь 500 тыс. солдат и офицеров и еще большее количество войск в тылу. Однако решение по поводу организации тыла было оригинальным: Наполеон Бонапарт отказался от концепции создания цепочек снабжения, состоящих из многих складов («магазинов»), как учила старая школа военной мысли еще XVIII в., но вместо этого он обеспечил каждую дивизию огромным обозом. Артиллерия получила 30 тыс. лошадей, кавалерии достались 80 тыс. лошадей (Chandler, 1966: 758). Обеспечение столь огромного количества лошадей фуражом оказалось невозможным в условиях русской осени 1812 г.

Наполеон I опасался того, что русские обратятся к тактике выжженной земли. Это было связано с негативным опытом, полученным на этот счет во время испанских кампаний, где полурегулярные части Хунты именно так и поступали. Кроме того, Наполеон Бонапарт был убежден, что экономически в российских западных губерниях не будет достаточно ресурсов, чтобы прокормить и пятую часть его армии (Chandler, 1966: 757).

Кавалерия Великой армии имела 80 тыс. лошадей и примерно столько же непосредственно всадников или менее 20 % от основных сил. Но, как показал опыт армии Фридриха Великого, короля Пруссии, правильным было иметь долю кавалерии 25 % от всех сил (Свечин, 1928: 220) (эта мера Фридриха II была построена на боевом опыте). При этом пруссаки в период Семилетней войны в основном оборонялись на своей территории.

У России имелись также свои сложности с комплектованием армии. В первую очередь, это касалось пополнений. За период 1800–1809 гг. летальные нестроевые потери в Русской армии составили 221 800 человек против 101 100 человек безвозвратных потерь (Корнилов, 2008: 20) на фоне того, что за период 1798–1810 гг. был принят в армию 834 761 человек. То есть к 1811 г. нижних чинов должно было насчитываться 511 861 чел. (Корнилов, 2008: 20), не считая казаков и призванных до 1798 г. И это даже больше, чем у Наполеона Бонапарта на то время. По 81-му рекрутскому набору, объявленному в сентябре 1811 г., планировалось набрать еще 135 тыс. человек, но фактически поступило 120 тыс. человек, из них в депо первой линии – 84 966 человек (Столетие военного министерства, 1902: 46). Дезертирство рекрутов было минимальным (Корнилов, 2008: 20). Но Военное министерство сочло в начале 1812 г. количество в 120 тыс. человек призванных недостаточным для комплектования Вооруженных сил в течение этого года (Столетие военного министерства, 1902: 47). Поэтому было принято решение провести 82-й рекрутский набор, по которому в армию должно было отправиться около 70 тыс. новобранцев. Скажем для сравнения: Франция призвала в 1811 г. 110 281 молодого человека 1791 г. рождения, но для действующей армии предназначались 80 тыс. человек (French Council..., 1811).

Помимо рекрутов, были еще источники пополнения армии и флота, среди них – ратники. В конце 1809 г. в результате наборов периода Войны IV Коалиции в сухопутных частях оказалось 168 117 ратников (Столетие военного министерства, 1902: 39), большинство из них должны были оставаться в строю к 1812 г. или их можно было быстро призвать из резерва. Во время Отечественной войны 1812 г. был набран 280 951 ополченец (Столетие военного министерства, 1902: 72). Качество частей ополчения было заметно ниже, чем армейских, но по мере интеграции ополченцев в Вооруженные силы империи оно повышалось.

Особым ресурсом Российской империи было казачество. Только в Малороссии числилось 450 тыс. казаков, но к 1812 г. они не были объединены в войско (Столетие военного министерства, 1902: 57). Это стало следствием политики Екатерины II, которая ограничивала казаков в правах по всей империи. Данный контингент резервистов мог служить в основном в легкой кавалерии, но при надлежащем обучении – и в других типах войск. Военное министерство сочло мобилизацию Малороссийского казачества опасной в силу вероятности волнений. Кроме того, российские военные чиновники считали необходимым иметь резерв в Юго-западных губерниях. К тому же Малороссия понесла крупные издержки по снаряжению воинских контингентов численностью 18 тыс. человек. Эти издержки ложились в основном на зажиточных казаков (Столетие военного министерства, 1902: 60). К тому же в Малороссии к 1812 г. сохранялась сложная политическая ситуация. Поэтому 83-й военный рекрутский набор было решено провести в Полтавской и Черниговской губерниях весьма ограниченно (Столетие военного министерства, 1902: 60). Флот в условиях кампании 1812 г. против наполеоновской Франции был не особо полезен, отправленные в сухопутные войска флотские части были малочисленными.

Донское казачество имело особо позитивный статус в Российской империи. Но к 1812 г. донские казаки понесли большие потери в Наполеоновских войнах, это вызвало некомплект казачьих полков во 2-й Западной армии. На 1-е июня 1812 г. в девяти казачьих полках этой армии числилось менее 4 тыс. человек, это мало (Сапожников, 2012: 73). Некомплекты казачьих частей имели место также и в других соединениях.

В 1810 г. М.Б. Барклай де Толли был назначен военным министром с целью проведения реформы сухопутных сил. По примеру французов, он реорганизовал армию, создав трехдивизионные корпуса, усиленные мобильной артиллерией (Chandler, 1966: 750). На артиллерию и повышение ее мобильности М.Б. Барклай де Толли делал особую ставку, как и на кавалерию, только численность казачьих соединений была увеличена на 15 тыс. человек (Chandler, 1966: 749). У Российской империи было достаточно ресурсов, чтобы увеличить численность казачьих войск во время Отечественной войны 1812 г. еще приблизительно на 30 тыс. человек (Chandler, 1966: 749). При этом сохранилась доставшаяся от XVIII в. проблема: большое количество войск оставалось в гарнизонах, это было связано как с вооруженными конфликтами на мусульманской периферии (знаменитые Кавказские линии), так и с традицией держать крупные контингенты для подавления возможных крестьянских восстаний (комплекс «пугачевщины»). К лету 1812 г. 153 тыс. российских солдат и офицеров находились в гарнизонах (Chandler, 1966: 750). Кроме того, Военным министерством с 1810 г. были развернуты 36 учебных центров и несколько резервных дивизий. Последние также выполняли функции подготовки нижних чинов. В таких частях к моменту вторжения войск Наполеона Бонапарта проходили службу 45 тыс. человек (Chandler, 1966: 750).

Отдельно стоит сказать о Дунайской армии (командующий адмирал П.В. Чичагов), которая только завершила к лету 1812 г. боевые действия против Османской империи (Бухарестский мирный

договор с Турцией был подписан 16 мая 1812 г. по старому стилю). К северу от нее, на Волыни, располагалась 3-я Обсервационная Западная армия генерала А.П. Тормасова. Дунайская и 3-я Обсервационная Западная армии объединились, достигнув общей численности около 60 тыс. человек, и предприняли 29 августа 1812 г. наступление против южного фланга Великой армии, который прикрывал вспомогательный австрийский корпус генерала К.Ф. Шварценберга. Последний, имея 40 тыс. солдат и офицеров, не решился дать сражение и отступил по направлению к Бресту (Шорников, 2012: 19).

Именно на конец лета – начало осени 1812 г. наступление П.В. Чичагова и А.П. Тормасова не имело большого стратегического эффекта. Но важно другое. Крупные силы Русской армии были развернуты далеко от зоны вторжения Великой армии в Россию. Это было следствие Русско-турецкой войны (1806–1812 гг.), что являлось частью проблемы мусульманской периферии России – проблемы, уходящей корнями в допетровские времена. Для сдерживания К.Ф. Шварценберга достаточно было армии А.П. Тормасова, усиленной, допустим, одной пехотной дивизией и двумя кавалерийскими полками. Противостояние с Османской империей можно было бы назвать для России «своей Испанией», если проводить аналогии с наполеоновской Францией.

На Кавказе на момент начала Отечественной войны 1812 года находилось 58 батальонов пехоты, 15 эскадронов кавалерии при 106 орудиях. Часть пехоты была сведена в 15 пехотных полков трехбатальонного состава (Гизетти, 1896: 40). Надо помнить, что в 1804-1813 гг. Россия вела войну против Персии, у которой были сторонники среди знати народов Кавказа.

5. Заключение

Проблема, когда «не хватило нескольких батальонов», имеет достаточно глубокие корни в развитии как военной экономики, так и общества в целом. Англо-французская «дуэль» продолжилась при Наполеоне Бонапарте с небывалой до этого силой, что привело Францию к катастрофическим последствиям. Только потери именно французов на Пиренейском полуострове почти сопоставимы с их потерями во время Русской кампании 1812 г.

Не совсем удачно сложившаяся для Франции кампания 1808 г. в Испании спровоцировала вступление Австрии в войну и образование V Коалиции. Политика России в формате событий 1809 г. подтолкнула Наполеона I к идее подготовки великого похода против империи Романовых.

Россия имела также стратегические сложности и проблемы экономического и геополитического порядков. В частности, значительная часть ее армии была оттянута на решение задач, связанных с мусульманской периферией. Это в немалой степени ослабило оборонительный потенциал России в ее западных губерниях к лету 1812 года.

Литература

Арсентьев, 2011 – Арсентьев В.М. Категории и численность промышленных рабочих в России в первой половине XIX века (по материалам Среднего Поволжья) // *Экономическая история*. № 4. 2011. С. 26-35.

Безотосный, 2004 – Безотосный В.М. (ред.). Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 880 с.

Бескровный, 1973 – Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. М.: Наука. 1973. 616 с.

Гарнич, 1956 – Гарнич Н.Ф. Отечественная война 1812 г. М.: Госкультпросветиздат, 1956. 287 с.

Гизетти, 1896 – Гизетти А.Л. (сост.). Хроника Кавказских войск в двух частях. Тифлис: Типография канцелярии Главнокомандующего гражданскою частью на Кавказе, 1896. 598 с.

Земсков, 2018 – Земсков В.Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. М.: Эксмо, Яуза. 2018. 658 с.

Корнилов, 2008 – Корнилов В.А. Рекрутская повинность и внутреннее состояние русской армии в первой половине XIX века // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия Исторические науки*. 2008. N. 1 (22). С. 8-24.

Петров, 1911 – Петров В.А. (сост.). Орудия, отбитые у неприятеля в 1812 году. М.: Синодальная типография, 1911. 125 с.

Пожарская, 2011 – Пожарская С.П. Россия и Испания в годы наполеоновских войн (1808 – 1812 гг.) // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2011. Т. 2. Вып. 8. С. 16-17.

Сапожников, 2012 – Сапожников А.И. Войско Донское в Отечественной войне 1812 года. М.: СПб.: Альянс Архео, 2012. 848 с.

Свечин, 1928 – Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Том I. М.-Л.: Военгиз, 1928. 386 с.

Столетие военного министерства, 1902 – Столетие военного министерства. 1802–1902. Главный штаб. Исторический очерк. Комплектование войск в царствование Императора Александра I. СПб.: Тип. "Бережливость", 1902. 516 с.

Тарле, 1939 – Тарле Е.В. Наполеон. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. 352 с.

Троицкий, 2007 – Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М.: Омега, 2007. 560 с.

- Урланис, 1960 – Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. 565 с.
- Шорников, 2012 – Шорников П. Бухарестский мир и участие Дунайской армии в Отечественной войне 1812 г. // Русин. 2012. №4 (30). С. 11-28.
- Calvet, 2014 – Calvet S. Aux mains des Britanniques et des Espagnols. La captivité des soldats et des officiers français au Royaume-Uni et dans la péninsule ibérique. *Napoleonica // La Revue*. 2014. No 3. Pp. 17-34.
- Chandler, 1966 – Chandler D.G. The campaigns of Napoleon. Vol. I. NY: Scribner, 1966. 1172 p.
- Connelly, 1999 – Connelly O. Blundering to Glory : Napoleon's Military Campaigns. USA, Maryland, Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 1999. 254 p.
- Daly, 2004 – Daly G. Napoleon's Lost Legions: French Prisoners of War in Britain, 1803-1814. *History*. 2004. Vol. 89. pp. 362-363.
- Daudin, Tiridelli, 2022 – Daudin G., Tiridelli E.M. Not "easy to win": The British war on French trade, 1744–1815 // Forschungs seminar. November 1. 2022. Basel. Universitaet Basel. Wirtschaftswissenschaftliche Fakultät. 2022. Pp. 1-60.
- French Council..., 1811 – French Council of State Decree on the Number of Men to be Called Up in 1811. 1811. [Electronic resource]. URL: https://www.napoleon-series.org/research/abstract/military/army/france/conscription/1811/c_conscripts13.html (date of access: 18.10.2024).
- Fremont-Barnes, Fisher, 2004 – Fremont-Barnes G., Fisher T. The Napoleonic Wars: The Rise and Fall of an Empire. London: Osprey Publishing. 2004. 352 p.
- Gates, 2003 – Gates D. The Napoleonic wars. 1803-1815. London: PIMLICO, 2003. 336 p.
- Girard, 2008 – Girard P.R. The Ugly Duckling: The French Navy and the Saint-Domingue Expedition, 1801-1803 // *International Journal of Naval History*. 2008. Vol. 7. Iss. 3. Pp. 485-507.
- Harley, 1993 – Harley A.D. Collision of Empires: Britain in Three World Wars, 1793-1945. Bloomsbury Publishing, 1993. 803 p.
- O'Rourke, 2006 – O'Rourke K.H. The worldwide economic impact of the French Revolutionary and Napoleonic Wars, 1793–1815 // *Journal of Global History*. 2006. No 1. Pp. 123–149.
- Popov et al., 2024 – Popov G., Barabash V.V., Poplavskaya N.V., Kazenkov O. Yu. The Development of the Firepower of the Russian Army in the first half of the 19th century in Comparison with Enemies as a Factor of Russia's Victories and Defeats in the Napoleonic and Crimean Wars // *Bylye Gody*. 2024. 19(3): 1148-1160.
- Pourchasse, 2006 – Pourchasse P. Le Commerce du Nord : les échanges commerciaux entre la France et l'Europe septentrionale au XVIIIe siècle. Rennes: Presses universitaires de Rennes. 2006. 392 p.
- Salavrakos, 2018 – Salavrakos I-D. An Analysis of the French economic industrial and military mobilization in the Revolutionary and Napoleonic wars 1789-1815 // *Journal of Military and Strategic Studies*. 2018. Vol. 18. Iss. 3. Pp. 31-77.
- Scheltjens, 2015 – Scheltjens W. French imports to the Baltic, 1670-1850. A quantitative analysis // *Revue de l'OFCE, Presses de Sciences-Po*. 2015. No 4. Pp. 137-173.
- Steckel, 1997 – Steckel R.H. (ed.), Floud R. (ed.). Health and Welfare during Industrialization (National Bureau of Economic Research Project Report). Chicago: University of Chicago Press, 1997. 476 p.
- Thoral, 2011 – Thoral M-C. From Valmy to Waterloo 1792-1815 (War, Culture and Society, 1750–1850). London: Palgrave Macmillan, 2011. 261 p.
- Weider, Gueguen, 2004 – Weider B., Gueguen E. Napoleon: The Man who Shaped Europe. London: Spellmount Publisher, 2004. 288 p.

References

- Arsent'ev, 2011 – Arsent'ev, V.M. (2011). Kategorii i chislennost' promyshlennykh rabochikh v Rossii v pervoi polovine XIX veka (po materialam Srednego Povolzh'ya) [Categories and number of industrial workers in Russia in the first half of the 19th century (based on materials from the Middle Volga region)]. *Ekonomicheskaya istoriya*. 4: 26-35. [in Russian]
- Beskrovnyi, 1973 – Beskrovnyi, L.G. (1973). Beskrovnyi L.G. Russkaya armiya i flot v XIX v. [The Russian army and Navy in the XIX century.]. M.: Nauka. 616 p. [in Russian]
- Bezotosnyi, 2004 – Bezotosnyi, V.M. (red.). (2004). Otechestvennaya voyna 1812 goda. Entsiklopediya [The Patriotic War of 1812. Encyclopedia]. M.: «Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 880 p. [in Russian]
- Daly, 2004 – Daly, G. (2004). Napoleon's Lost Legions: French Prisoners of War in Britain, 1803-1814. *History*. 89: 362-363.
- Daudin, Tiridelli, 2022 – Daudin, G., Tiridelli, E.M. (2022). Not "easy to win": The British war on French trade, 1744–1815. Forschungs seminar. November 1. 2022. Basel. Universitaet Basel. Wirtschaftswissenschaftliche Fakultät: 1-60.
- French Council..., 1811 – French Council of State Decree on the Number of Men to be Called Up in 1811. 1811. [Electronic resource]. URL: https://www.napoleon-series.org/research/abstract/military/army/france/conscription/1811/c_conscripts13.html (date of access: 18.10.2024).

- Fremont-Barnes, Fisher, 2004** – *Fremont-Barnes, G., Fisher, T.* (2004). The Napoleonic Wars: The Rise and Fall of an Empire. London: Osprey Publishing. 352 p.
- Gates, 2003** – *Gates, D.* (2003). The Napoleonic wars. 1803-1815. London: PIMLICO. 336 p.
- Garnich, 1956** – *Garnich, N.F.* (1956). Otechestvennaya vojna 1812 g. [Patriotic war of 1812]. M.: Goskul'tprosvetizdat. 287 p. [in Russian]
- Girard, 2008** – *Girard, P.R.* (2008). The Ugly Duckling: The French Navy and the Saint-Domingue Expedition, 1801-1803. *International Journal of Naval History*. 7(3): 485-507.
- Gizetti, 1896** – *Gizetti, A.L.* (sost.) (1896). Khronika Kavkazskikh voisk v dvukh chastyakh [Chronicle of the Caucasian troops in two parts]. Tiflis: Tipografiya kantselyarii Glavnokomanduyushchego grazhdanskoyu chast'yu na Kavkaze. 598 p. [in Russian]
- Harley, 1993** – *Harley, A.D.* (1993). Collision of Empires: Britain in Three World Wars, 1793-1945. Bloomsbury Publishing. 803 p.
- Kornilov, 2008** – *Kornilov, V.A.* (2008). Rekrutskaya povinnost' i vnutrennee sostoyanie russkoi armii v pervoi polovine XIX veka [Conscription and the internal state of the Russian army in the first half of the 19th century]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki*. 1(22): 8-24. [in Russian]
- O'Rourke, 2006** – *O'Rourke, K.H.* (2006). The worldwide economic impact of the French Revolutionary and Napoleonic Wars, 1793–1815. *Journal of Global History*. 1: 123-149.
- Petrov, 1911** – *Petrov, V.A.* (sost.) (1911). Orudiya, otbitye u nepriyatela v 1812 godu [Guns recaptured from the enemy in 1812]. M.: Sinodal'naya tipografiya. 125 p. [in Russian]
- Popov et al., 2024** – *Popov, G., Barabash, V.V., Poplavskaya, N.V., Kazenkov, O. Yu.* (2024). The Development of the Firepower of the Russian Army in the first half of the 19th century in Comparison with Enemies as a Factor of Russia's Victories and Defeats in the Napoleonic and Crimean Wars. *Bylye Gody*. 19(3): 1148-1160.
- Pourchasse, 2006** – *Pourchasse, P.* (2006). Le Commerce du Nord : les échanges commerciaux entre la France et l'Europe septentrionale au XVIIIe siècle. Rennes: Presses universitaires de Rennes. 392 p.
- Pozharskaya, 2011** – *Pozharskaya, S.P.* (2011). Rossiya i Ispaniya v gody napoleonovskikh voyn (1808–1812 gg.) [Russia and Spain in the period of Napoleonic wars (1808–1812)]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya»*. 8 (2): 16-17 [in Russian]
- Salavrakos, 2018** – *Salavrakos, I.D.* (2018). An Analysis of the French economic industrial and military mobilization in the Revolutionary and Napoleonic wars 1789-1815. *Journal of Military and Strategic Studies*. 3: 31-77.
- Sapozhnikov, 2012** – *Sapozhnikov, A.I.* (2012). Voisko Donskoe v Otechestvennoi voine 1812 goda [The Don Army in the Patriotic War of 1812]. M.; SPb.: Al'yans Arkheo, 848 p. [in Russian]
- Scheltjens, 2015** – *Scheltjens, W.* (2015). French imports to the Baltic, 1670-1850. A quantitative analysis. *Revue de l'OFCE, Presses de Sciences-Po*. 4: 137-173.
- Shornikov, 2012** – *Shornikov, P.* (2012). Bukharestskii mir i uchastie Dunaiskoi armii v Otechestvennoi voine 1812 g. [The Bucharest Peace and the participation of the Danube Army in the Patriotic War of 1812]. *Rusin*. 4 (30): 11-28. [in Russian]
- Steckel, 1997** – *Steckel, R.H.* (ed.). Floud R. (ed.) (1997). Health and Welfare during Industrialization (National Bureau of Economic Research Project Report). Chicago: University of Chicago Press. 476 p.
- Stoletie voennogo ministerstva, 1902** – *Stoletie voennogo ministerstva. 1802–1902. Glavnyi shtab. Istoricheskii ocherk. Komplektovanie voisk v tsarstvovanie Imperatora Aleksandra I* [The centenary of the Ministry of War. 1802–1902. The main headquarters. A historical sketch. Recruitment of troops during the reign of Emperor Alexander I]. Sankt-Peterburg: Tip. "Berezhlivost'". 1902. 516 p. [in Russian]
- Svechin, 1928** – *Svechin, A.A.* (1928). Evolyutsiya voennogo iskusstva [The evolution of military art]. Tom I. Moscow, Leningrad: Voengiz. 386 p. [in Russian]
- Tarle, 1939** – *Tarle, E.V.* (1939). Napoleon [Napoleon]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo. 352 p. [in Russian]
- Thoral, 2011** – *Thoral, M-C.* (2011). From Valmy to Waterloo 1792-1815 (War, Culture and Society, 1750–1850). London: Palgrave Macmillan. 261 p.
- Troiczkiy, 2007** – *Troiczkiy, H.A.* (2007). 1812. Velikii god Rossii [The Great year of Russia]. M.: Omega. 560 p. [in Russian]
- Urlanis, 1960** – *Urlanis, B.Cz.* (1960). Voiny i narodonaselenie Evropy. [Wars and the population of Europe]. M.: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury. 565 p. [in Russian]
- Zemskov, 2018** – *Zemskov, V.N.* (2018). Velikaya armiya Napoleona v Borodinskom srazhenii [Napoleon's Great Army in the Battle of Borodino]. Moscow: Eksmo, Yauza. 658 p. [in Russian]
- Weider, Gueguen, 2004** – *Weider B., Gueguen E.* (2004). Napoleon: The Man who Shaped Europe. London: Spellmount Publisher. 288 p.

Российская и Французская империи. Стратегические перспективы к 1812 г. (к вопросу о причине катастрофы Великой армии)

Григорий Германович Попов ^{a,*}, Диляра Гаджиметовна Сафаралиева ^b
Павел Анатольевич Бышков ^c, Белла Ахмедовна Булгарова ^{d,e}

^a Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

^b Московский дом национальностей, Москва, Российская Федерация

^c Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), Москва, Российская Федерация

^d Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), Москва, Российская Федерация

^e Колледж гуманитарных наук университета Альнура, Мосул, Ирак

Аннотация. В статье проводится анализ стратегических перспектив Великой армии Наполеона Бонапарта относительно Кампании 1812 г. Также проводится сравнение российской стратегической перспективы в 1812 г. в сравнении с французской. Рассматриваются в основном объективные факторы, повлиявшие на положение вооруженных сил Франции и России. Авторы делают акцент на распределении людских ресурсов, а также потерях, которые понесли Россия и Франция в период наполеоновских войн до 1812 г. Авторы доказывают, что наполеоновская Франция понесла большие потери в ходе военных кампаний в период с 1800 по 1811 гг. Особенно тяжелая ситуация в этом смысле у французской армии была на Пиренейском полуострове. Кампании против Испании и Португалии были во многом продолжением давно шедшей так называемой «англо-французской дуэли». Авторы показывают в работе, что демографическая ситуация в России к 1812 г. оказалась более благоприятной, что позитивно отразилось на ее обороноспособности, чего нельзя сказать о наполеоновской Франции, людских резервов которой не хватило в 1812 г. для ведения войны «на два фронта». На способность России воевать с наполеоновской Францией негативно влияли Русско-турецкая (1806–1812 гг.) и Русско-персидская войны (1804–1813 гг.) в аспекте оттягивания крупных воинских контингентов на южные рубежи. Авторы также показывают, что структура Великой армии была недостаточно хорошо продумана для проведения такой сложной операции, как наступление вглубь Европейской России. Авторы опираются в основном на англоязычные источники.

Ключевые слова: наполеоновские войны, Отечественная война 1812 года, Военное министерство Российской империи, рекрутские наборы, военная экономика.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: GGPopov2009@mail.ru (Г.Г. Попов)